

A black and white portrait of Natalia Narochitskaya, a woman with short, wavy hair, looking slightly to the side with a gentle smile. She is wearing a dark coat with a thick collar.

наталья нарочницкая

россия
и русские

в современном мире

Наталия Алексеевна Нарочницкая

Россия и русские в современном мире

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828855

Россия и русские в современном мире / Наталия Нарочницкая.: Эксмо:

Алгоритм; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-49148-3

Аннотация

Известный историк и политолог Наталия Евгеньевна Нарочницкая в своей книге анализирует вызовы, с которыми России и русскому народу предстоит столкнуться в XXI веке. Поскольку, по ее мнению, в XXI веке основная борьба в мире развернется за ресурсы, «Россия, которая имеет 4 % населения мира и 40 % всех мировых ресурсов, будет главным объектом этой борьбы». Такая борьба – обязательно прямое вооруженное вторжение: для овладения богатствами российских недр будут запущены изощренные политтехнологии, опробованные Западом на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Перипетии будущих взаимоотношений между «золотым миллиардом» и Россией подробно исследуются Нарочницкой. Это будет не просто политическая и экономическая борьба, а ожесточенная цивилизационная схватка, где в ход пойдет всё, вплоть

до глобальных заговоров, государственных переворотов и угрозы войны, да и сама война не будет исключаться как способ подчинения России «золотому миллиарду». Но всякое действие нейтрализуется эффективным противодействием, и Нарочницкая по каждой из тайных угроз, грозящих России XXI веке, предлагает конкретную геополитическую и национальную стратегию.

Содержание

Наталия Нарочницкая. Штрихи к портрету	5
Книга для подлинно свободных людей	20
Русские беседы	32
Государство было готово к Победе	32
«Быть пессимистом православному человеку противопоказано»	43
«У нас не осталось подарков для Соединенных Штатов»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталия Евгеньевна Нарочницкая Россия и русские в современном мире

Наталия Нарочницкая. Штрихи к портрету

Наталия Нарочницкая стала известна широкому кругу сравнительно недавно – с 2003 года, когда была избрана депутатом Государственной думы четвертого созыва и в этом качестве начала появляться на экранах телевизора как участник различных ток-шоу и дискуссий на политические и международные темы (хотя в кругу более узком – специалистов-историков, политиков-международников и дипломатов – ее хорошо знали и до того, как она стала депутатом). Она очень быстро стала популярной. Ее ум, эрудицию, умение проникать в самую суть обсуждаемых вопросов невозможно было не заметить. Как и четкую, взвешенную, выверенную, далекую от популизма патриотическую позицию.

Позицию, которая отличается железной логикой, бескомпромиссностью в отстаивании национальных интересов Рос-

сии на международной арене и национально-патриотических ценностей в сочетании с православным консерватизмом – внутри страны.

Ну судите сами.

«...Христианская политика – это задача никогда не забывать о нравственной оценке поступка, государственного решения, законодательной инициативы. Это поиск политического и общественного проекта исходя из христианской картины мира и представления о смысле и долге человека перед Богом и людьми. Думать не только о том, что нужно и рационально правильно, но и о том, что должно и праведно. Наверное, так. Конечно, никто не сможет полностью соответствовать такому призыву, не сможет дать идеальные ответы, но хотелось бы не отказываться от осознанного поиска...»

«...«Третий Рим» в христианском, особенно художественном сознании – это именно незримый центр. Это нечто неосязаемое, полное отрицание земной империи, но забота и охранение, прибежище праведной веры. Но поскольку у Византии были наследники – Москва православная, то у Москвы уже нет никого, и если она предаст это, она будет неизбежно виновата перед Господом и людьми за утерю...»

«...Знаете, в Уголовном кодексе преступление такое есть – побуждение к самоубийству. Когда нации внушают, что она – неудачник мировой истории, не способна ни на что сама и даже не может усвоить чужие уроки, ибо когда пытается что-то заимствовать, вечно все преобразовывает на свой

«дурацкий варварский лад». — то руки опускаются от ощущения безысходности. В ответ — народ, вытесняемый на обочину мировой истории, являет демографическую катастрофу, ибо утрачивается естественное библейское чувство — желание продолжения рода».

«...Навязывание слова «россиянин» вместо слова «русский» звучит оскорбительно и антинаучно. Россиянин — это гражданское состояние, что само по себе замечательно. Но культуру рождает нация, а не гражданство. Русские, немцы, татары, армяне сочиняют сказки, поют песни, пишут музыку, хранят неповторимые обычаи, создают литературу. Если россиянин перестанет чувствовать себя русским, то он перестанет чувствовать себя и гражданином России, Родина у него будет там, где ниже налоги!»

«У меня нет никаких иллюзий в отношении системы, которая называется демократией: во всем мире это самая недемократическая система функционирования общества. Только при демократии власть может быть полной противоположностью по мировоззрению, историческим и культурным традициям народу. Это система, ПОЛНОСТЬЮ МАНИПУЛИРУЕМАЯ ВО ВСЕМ МИРЕ ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ. Это одна из причин, почему я и не строю наивных планов, что можно снизу, поднатужившись, что-то сломать радикально. Я вообще не верю в философию прогресса и построение идеального общества, всемогущие идеальные законы и общественных институтов. Мы грешники, и имеем

то, что заслуживаем по грехам своим. Но надо не складывать руки. У каждого свой фронт работы, и я вижу свою роль в том деле, которое я веду.»

Откуда же появилась в нашей политике эта удивительная женщина, высказывающая такие, не слишком свойственные нашей властной элите, мысли?

Н.А. Нарочницкая родилась 23 декабря 1948 года в Москве. Ее отец, академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий, принадлежал к той узкой и уже, как говорят, почти исчезнувшей плеяде русских историков, которые обладали классическим образованием и энциклопедическими знаниями. Являясь научным руководителем издания дипломатических документов внешней политики России XIX века, он оставил после себя фундаментальные труды по истории международных отношений, впечатляющие широтой охватываемых вопросов и теоретических обобщений, громадным архивным, фактическим и историографическим материалом, редкостной общегуманитарной эрудицией.

Родившись в 1907 году, Алексей Леонтьевич стал очевидцем и в какой-то мере участником событий почти всего столь богатого историческими катаклизмами двадцатого столетия. Его отец, дед Наталии Алексеевны, Леонтий Федорович, служил директором и преподавателем Черниговского народного училища. Его мать, Мария Владиславовна, потомственная столбовая дворянка из разорившегося рода, работала там же учительницей.

«Неправильное» происхождение чуть было не помешало Алексею Леонтьевичу получить высшее образование, хотя аттестат об окончании гимназии был заполнен сплошь отличными оценками – тогда началась кампания по «пролетаризации вузов». Однако вскоре новая власть сделала послабление для тех, чьи родители трудились на ниве народного просвещения. В результате Нарочницкий закончил Киевский университет. Талант и эрудиция молодого исследователя скоро обратили на себя внимание выдающегося русского историка Е.В.Тарле, и Нарочницкий, не успев стать даже кандидатом наук, был приглашен в авторский коллектив знаменитой «Истории дипломатии», которая до сих пор впечатляет свободой от классовых заклинаний по любому поводу и глубиной. В результате А.Л. Нарочницкий стал лауреатом Сталинской премии. Это сыграло немаловажную роль в его жизни, во всяком случае, помогло избежать трагических последствий после того, как в 1937 году был арестован и навсегда сгинул в лагере его старший брат Юрий.

Алексей Леонтьевич всегда отстаивал научную картину истории, чаще всего двигаясь в своих исследованиях против доминирующей линии и всегда оставаясь патриотом своего Отечества. Он никогда не был настоящим «идейным» коммунистом, но не был никогда и «антисоветчиком». Сознавая грехи и даже преступления советского периода, он, тем не менее, признавал и его огромную, драматическую значимость, его неотделимость от всей непрерывной истории Рос-

сии. Отторжение у него вызывало только одно – вечный нигилизм российской «интеллигенции», ее презрение к собственному Отечеству.

Именно отец, Алексей Леонтьевич Нарочницкий, оказал решающее влияние на мировоззрение и отношение к жизни Наталии Алексеевны. И потому неудивительно, что она сохранила его фамилию, тоже стала историком, разделяет те же убеждения.

Мама же Наталии Алексеевны была учительницей, потом преподавателем в вузе – Л.И. Нарочницкая много лет работала в Институте истории СССР АН СССР, где занималась исследованиями внешней политики России XIX века. Участвовала в написании коллективного фундаментального труда многотомного труда «История СССР с древнейших времен до наших дней», является автором монографии «Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856–1871 гг.». Это в мирное время, а во время войны, в молодости, Лидия Ивановна была героиней-партизанкой. Впрочем, она и сейчас жива, сумев сохранить в свои преклонные года здоровый ум и твердую память...

После школы Н.А. Нарочницкая, продолжая семейную традицию, решила посвятить свою жизнь изучению истории и международных отношений и поступила на факультет «Международные отношения» Московского государственного института международных отношений МИД СССР, который закончила в 1971 году с «красным дипломом».

С 1971 по 1981 г. она аспирант, а в дальнейшем – младший, потом старший научный сотрудник Института международной экономики международных отношений Академии наук СССР.

С 1982 по 1989 г. работала в Секретариате ООН. И тут опять расхождение с правилом, неизменным, например, для так называемых «гарвардских мальчиков» типа Гайдара. Потому что, проработав несколько лет за границей, Наталия Алексеевна стала не «западником», а убежденным славянофилом, что, в общем-то, и определило ее дальнейшую судьбу.

Вернувшись на родину в разгар перестройки, Наталия Алексеевна продолжает работу в Институте международной экономики международных отношений РАН сначала, с 1989 по 2003 г., старшим, а затем ведущим научным сотрудником.

И с головой окунается в бурную политическую жизнь, сразу став одним из видных деятелей патриотического движения. В феврале 1992 года она участвовала в Конгрессе гражданских и патриотических сил России. Была членом Центрального Совета (ЦС) созданного на этом конгрессе Российского Народного собрания. В октябре 1993-го вступила в Конституционно-демократическую партию – Партию народной свободы, председателем которой был Михаил Астафьев, заместителем председателя – Дмитрий Рогозин. В 1994 году была избрана заместителем председателя Всероссийского национального правого центра (председатель – М.Аста-

фьев). Наталия Алексеевна стала автором внешнеполитической доктрины этой партии.

Почему она пошла в политику? На этот вопрос, как-то заданный ей журналистами, Нарочницкая ответила:

– Меня подтолкнули Беловежские соглашения. Я и до этого переживала за все то, что происходит. Мне казалось странным, почему люди не видят, как под флагом осуждения тоталитаризма снова возрождена абсолютно ленинская большевистская, нигилистическая интерпретация всей русской истории. Россию снова стали называть тюрьмой народов, что после мая 45-го перестали делать. А когда были подписаны Беловежские соглашения, меня охватило такое чувство бессильной ярости и горя, что я села ночью за пишущую машинку и написала статью, даже еще не зная, как она будет воспринята и где будет напечатана. Статью заметили. Мы тогда объединились в группу, которая сформировалась в Кадетскую партию. Почему Кадетскую? Нам хотелось, чтобы наш патриотизм обязательно был облечен в демократические формы. Кроме того, хотелось обязательно «зайти назад за революцию», чтобы спор велся не между двумя собственно послереволюционными идеями, чтобы революция не воспринималась, как нечто данное. В этом была новизна – ведь до нас никто не подвергал сомнению идеологов перестройки, которые с тоталитаризмом боролись теми же методами, что и большевики, но они ту Россию не любили точно так же, как первые большевики, а мы, взяв период до октябрьского

переворота, сравнили с тем, что произошло сейчас.

Наталия Алексеевна стала одним из инициаторов создания и сопредседателем многих объединений русской общественности (например, Всемирного Русского Собора), автором их концептуальных программ, а также заявлений в поддержку неделимости России и Российской армии в Чечне в 1994–1996 гг., в защиту Русской православной церкви, против расширения НАТО и агрессии против Югославии.

В 2003 году Наталия Нарочницкая была избрана депутатом Государственной думы РФ, войдя во фракцию «Родина». Она стала заместителем председателя Комитета по международным делам Госдумы, председателем Подкомитета по законодательному обеспечению международного сотрудничества РФ в гуманитарной, культурной, научно-технической, спортивной и иных областях, председателем Комиссии Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по изучению практики обеспечения прав человека и основных свобод, контролю за их обеспечением в иностранных государствах. А также заместителем главы делегации Государственной думы в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) – ведь, кроме отличного знания тонкостей международной политики, Н.А.Нарочницкая еще владеет пятью иностранными языками.

Став депутатом, Наталия Алексеевна старалась пользоваться, кажется, любой возможностью доносить до людей свои взгляды – взгляды православного патриота, убежден-

ного государственника и на удивление проницательного политика-международника, видящего подоплеку любых событий, происходящих в самых разных точках земного шара. И, разумеется, в собственной стране.

— Я не радикал, — говорит она, — мне удивительны люди, которые пятнадцать лет твердят одно: «Банду Ельцина под суд!» Тем временем общество живет без всякого влияния таких радикалов, они же себя обрекают на жизнь только для себя, в своем политическом кружке, и потом удивляются, почему страна голосует иначе. Ведь подтасовать можно не более пяти процентов.

Надо ничего не понимать в ситуации и наивно верить в революции, которых страна вообще не выдержит, чтобы выступать в политике с радикально непримиримых позиций. Это сектантство, обрекающее огромную энергию на тупик и вывод из реальной работы, этому лишь радовались все Гайдары и Чубайсы, те, против кого такая энергия направлена. Только спокойное и респектабельное действие дает нужный эффект и такой посыл, от которого нельзя отмахнуться. Только когда русским по мировоззрению языком и понятиями заговорит и задумает отечественная элита, произойдет сдвиг.

Другое дело — идеология, мировоззрение. В качестве «идеолога», то есть человека, работающего в области мировоззрения, я не иду на компромиссы. Политика же — искусство возможного. Разве плохо, что я выступаю на ТВ в самых важных программах как депутат и говорю то, что я говорила

всегда, не изменяя своим взглядам, которым экран телевизора придает особую весомость. Вот если бы я изменила своим концепциям и стала говорить иное – тогда я бы изменила себе. По-моему, в предвыборных дебатах на ОРТ я первая на всю страну получила возможность сказать: «Русский народ – это державообразующий народ, это народ православный по вере и культуре, и не мешайте ему быть таковым!» Я искренне полагаю эту возможность ценнее, чем митинг на 10 000 человек.

Наталия Нарочницкая имеет широкие научные и общественные связи с западноевропейскими учеными и научными центрами в Германии, Великобритании, Франции, Италии, Греции, которые выступают за сохранение государствами суверенитета, против глобализации и диктата наднациональных идеологических, финансовых и военных механизмов, осознают роль сильной России как единственного препятствия на пути сил, стремящихся к мировому господству. Большим авторитетом и известностью она пользуется в Югославии.

В 2004 году Нарочницкая стала учредителем и президентом Фонда исторической перспективы – общественной организации, которая ведет исследовательские, аналитические, просветительские и издательские проекты в области международных отношений, отечественной истории и актуальной политики.

Н.А. Нарочницкая также является автором многочислен-

ных научных трудов по истории, философии, международным отношениям, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях. Основная ее работа и докторская диссертация – «Россия и русские в мировой истории». Ее исследования отличает широта подхода, академизм и острота проблематики. Н.А. Нарочницкая – автор фундаментальных разработок по внешней политике России, проблемам соотношения русского национально-государственного сознания с философией западноевропейского либерализма.

В 2005 году к 60-летию Победы вышла в свет книга Н.А. Нарочницкой «За что и с кем мы воевали» – острополеми-ческий труд, основанный на документах и фактах, – в которой автор развенчивает попытки извратить причины, смысл, итоги и наследие Второй мировой войны и Великой Победы. В 2007 году книга была дополнена и переиздана под названием «Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали». Книга была переведена на французский («Que restait-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu». Paris, 2008), чешский («Rusko a jeho misto ve svete. Za co a s kym jsme bojovali». Praha, 2006), словенский, словацкий и сербский языки. В 2007 году была издана книга «Русский мир», в которой собраны выступления, интервью и статьи Н.А. Нарочницкой, вышедшие в годы работы в Государственной думе. В 2008 году на сербский язык была переведена книга «Россия и русские в мировой истории» («Руси}'a и руси у светской историки»).

Труды и исследования Наталии Алексеевны внимательно изучаются за рубежом не только историками или студентами исторических и политологических институтов, но и действующими политиками. Изучаются они и нашими отечественными политиками и международниками. И профессионалы со Смоленской площади, понимающие цену экспертного знания дипломатических источников, нередко вырезают фрагменты «из Нарочницкой», заимствуя по мере надобности ее блестящую аргументацию в защиту российского суверенитета над Курилами и Калининградом или исчерпывающее объяснение, почему так демонизирован пресловутый «пакт Молотова – Риббентропа» – «крупнейший провал британской стратегии за весь XX век».

В 2008 году Наталия Алексеевна Нарочницкая была назначена на пост руководителя Европейского отделения Института демократии и сотрудничества. Не всем за рубежом это назначение понравилось, если судить, например, по статье во французской «Фигаро», посвященной Наталии Нарочницкой в связи с ее назначением на новую должность.

«Какого необычно политического и интеллектуального эмиссара Москва направила в Париж, – пишет «Фигаро». – Бывший депутат фракции националистической партии «Родина» Наталия Нарочницкая – темно-рыжие волосы, бледная кожа, зеленые миндалевидные глаза, тонкие губы, опасный полемист – не была переизбрана в парламент на российских выборах, состоявшихся в декабре, ее партия вышла

из фавора Кремля. Но эта пассионария нового российского национализма, сторонник теории заговора, организованного Западом с целью изолировать Россию, кажется, получила «утешительный приз». Она прибывает во Францию с миссией создать Институт демократии, задачей которого станет изучение проблем, с которыми демократическая система сталкивается в Западной Европе. В некотором роде симметричный ответ России Западу.

С ироничной улыбкой на губах Наталия Нарочницкая, которая хорошо говорит по-французски, уверяет, что приехала не для того, чтобы давать уроки демократии Франции. «Этой старой демократической стране, которая видела революцию, Робеспьера, Террор.» – не без ехидства добавляет она.

Ее роль – начать дебаты, которые, она надеется, будут плодотворными, о различных концепциях демократии.»

Насколько мы знаем, эти дебаты уже идут и проходят вполне плодотворно, способствуя лучшему пониманию российской позиции при обсуждении различных вопросов международной политики, будь то размещение элементов ПРО в странах Восточной Европы или события на Кавказе.

За свою многостороннюю деятельность, всегда направленную на отстаивание интересов России и соотечественников, часто не по своей воле оказавшихся за ее рубежами, Наталия Алексеевна Нарочницкая награждена орденом Трудовой славы Приднестровской республики, орденом Св. Великомученицы Варвары Украинской православной церкви

Московского Патриархата, орденом Святой равноапостольной Великой княгини Ольги. Она также стала лауреатом национальной премии общественного признания достижений женщин России «Олимпия» в номинации «Международная деятельность» за 2006 год.

Н. Гореславская

Книга для подлинно свободных людей

Новая книга Н.А.Нарочницкой составлена из статей, интервью, выступлений новейшего времени, написанных, произнесенных, я бы даже сказал – прочувствованных характерным для автора ярким, образным, то разящим, то поющим, то гневным, то смиренным, то отточенно научным, то христиански простым языком, который делает каждую работу Наталии Алексеевны и общественно значимым событием, и истинным удовольствием для любого читателя. В центре внимания автора – русский народ в истории и современности, которые для Нарочницкой всегда выступают в теснейшей взаимосвязи. Многое из того, что происходит вокруг нашей страны сегодня, вообще не может быть понято без предметного осмысления предыстории, без анализа фактов в их развитии.

Как, к примеру, объяснить, почему те, кто боролся якобы с советским коммунизмом, продолжают с неменьшей страстью атаковать демократическую Россию? Почему вдруг в новом мире, где нет более противостояния блоков, по-прежнему в чести замшелые «советологи», с параноидальной настойчивостью продолжающие пугать мир «русской угрозой», несмотря на то что Россия далека от возможностей (и

целей) советского периода и не собирается больше играть в блоки и лагеря?

Ключи к этим «загадкам» современности (а загадки это лишь для тех, кто не знает истории) ищет – и с успехом находит – Н.А.Нарочницкая, для которой «ничто не ново под луной...»: с подозрительно похожими на современные «непонятные» вызовы Россия сталкивалась и во времена Данилевского, и в советский период, при всей принципиальной разнице политических систем в различные времена. Но это мы считали свою историю прерванной, привыкли всякий раз начинать «с чистого листа» и нередко смотрели на мир с наивностью новорожденных, полагая, что раз мы другие, то и отношение к нам – другое. Для наших же давних оппонентов история Великой России *не прерывалась* (в этом они, как ни парадоксально, нередко последовательнее нас), и в какой бы политической форме она ни пребывала на конкретном историческом отрезке, сам факт ее существования рассматривается как вызов и угроза. И, значит, метод исследования современной политики, предлагаемый автором настоящей книги, представляется не только оправданным, но в некоторых случаях и единственно применимым.

Сегодня мы можем с удовлетворением констатировать возросший интерес именно к такому прочтению истории и современности России в их живой связи. Разумеется, это во многом объясняется общественным запросом на новые идеологические и духовные ориентиры в политике и созна-

нии общества в отличие от пораженческих и идеологически безвольных 90-х годов минувшего века. Как точно замечает в одной из своих работ Н.Нарочницкая, «общество устало презирать свое Отечество».

Хотя общественный запрос – явление отнюдь не только стихийное. Не секрет, что сегодня общества (это отнюдь не сугубо российская особенность) переживают так и о том, как и о чем им подсказывают СМИ, и прежде всего – телевидение. Наивно предполагать, что СМИ сегодня даже в самых демократических государствах пребывают вне поля зрения и влияния власти – мы видели, как «независимые» и в иных ситуациях вездесущие международные СМИ умудрились вдруг «не заметить» грузинскую агрессию в ночь на 8 августа, начав «просвещение» своих зрителей и слушателей с ответных действий России. Импульс словом и делом, исходящий от власти, может оказаться решающим в формировании доминирующих настроений в обществе. Это означает, однако, и *особую ответственность власти за состояние умов в стране*. Нельзя сетовать на то, что народ инертен и апатичен, не отзывается на созидательные призывы и проекты Центра, если сами лидеры задают пораженческую и депрессивную тональность общественному климату в стране.

Однако не менее существенно, в каком направлении будет развиваться сама патриотическая мысль в обществе. К сожалению, мы до сих пор видели немало далеко не самых достойных персонажей национальной политсцены, пытавших-

ся, по сути, узурпировать патриотизм и заставить его работать на собственные рейтинги. Крайне важно в этой ситуации, чтобы в столь важный для общества момент на первый план вышли люди принципиально иного склада, которые бы любили *не себя в истории, а историю в себе*, как в частичке единого народа.

Н.А.Нарочницкая – среди тех теоретиков и практиков, чья огромная заслуга в том, что они делают трудное дело превращения национальной традиции, оберегающего консерватизма и русского, прежде всего, православного духовного наследия – из идейного «изгоя» в норму. Еще совсем недавно все это было предметом общепринятой циничной иронии как преобладающего отношения либеральной интеллигенции к прошлому и настоящему собственной страны. Сегодня патриотические настроения стали естественными, если не господствующими, то вполне популярными везде, где русские дискутируют с русскими – от привычных «советских» кухонь до «актуального» Интернета.

При этом мыслящие консерваторы-патриоты, среди которых ярко выделяется Наталия Алексеевна, немало поспособствовали тому, чтобы очистить поле реального патриотизма от разного рода политических клоунов и лжепророков, патриотов *идеологии, а не Отчизны*.

Немало помогли нам осознать себя единой нацией и «заклятые друзья» России в мире. Никто не смог бы так дискредитировать Запад и его отечественных идолопоклонников в

глазах подавляющего числа россиян, как слова и дела самого Запада, как его отношение и к нынешней России, и к ее прошлому. Еще совсем недавно у многих и многих в России было по отношению к Западу так много того, что Хомяков называл «комической восторженностью» – тем разительнее сегодняшнее отрезвление. Продвижение к нашим границам атлантических структур в нарушение всех обещаний и договоренностей, отношение к русским в балтийских странах – членах Евросоюза, планы развертывания ПРО США в Европе, оранжевые процессы на пространстве СНГ с нескрываемым антироссийским «душком» – все это никак не подтверждает тезис о том, что Западу, дескать, мешала лишь коммунистическая система.

Ситуации с Косово и августовской агрессией Грузии показали, что современный либеральный Запад вовсе не абсолютно привержен ценностям, начертанным на его знаменах, не ставит принципы превыше всего. Напротив, он демонстративно по-разному относится к различным народам при выборе союзников и оппонентов, и это главный урок для русских на рубеже столетий (если они не усвоили его за предыдущие века). Этот вывод очень важен, поскольку в России еще немало тех, кто полагает, что нам достаточно лишь совершить некий набор внутренних действий, изменить что-то в партийной или судебной системе, дать больше свобод иностранным фондам и либеральным СМИ – и «историческое недоразумение» развеется, произойдет чудо, и Россия

станет частью комфортного Запада.

Если бы это было так, то Запад еще в 90-е годы не преминул бы воспользоваться тем, что Н.Нарочницкая называет «самопредательством России», и практически растворить ее в себе, сделав ее своей зависимой частью. Но даже на такую, весьма выгодную для него, паразитарную модель интеграции Запад пойти не смог, что никакими иными мотивами, кроме явно национально обусловленных предубеждений, объяснить невозможно.

Как весь ход событий вокруг Косово со всей наглядностью показал, что *дело не в притесняемых режимом Милошевича албанцах, а в сербах*, осмелившихся противиться мировому гегемону, так и русским за полтора десятилетия популярно объяснили, что дело не в коммунизме, а в них самих. Ты виноват уж тем, что смел родиться русским. Потому обозначить сегодня свою принадлежность к Русскому миру – это не только национальное самоопределение, но во многом и политическое. Назвал себя русским, а не «экономическим гражданином мира»? Не обессудь, что будешь всегда под подозрением.

Вот почему по прочтении работ Н.А.Нарочницкой понимаешь, что быть русским сегодня – это серьезно. Это и жизненная позиция, и большая ответственность, а не просто ощущение принадлежности к великой нации. Мы по-новому ощутили ценность своего языка, когда увидели, какую ненависть он вызывает у «национал-капиталистов» в Балтии, как

за право говорить и учиться на нем бьются соотечественники на Украине. Мы осознали, сколь значима наша история, сколь велика наша Победа, когда они стали объектом яростных нападок со стороны современных «корректировщиков» истории. Очевидно, что дело вовсе не в спорах о прошлом: решается судьба настоящей и будущей России – это поле актуальных политических и идеологических битв, а не отвлеченных научных дискуссий.

Современные либералы, определяющие сегодня политику Запада и его институтов, полагают наше время эпохой перехода от тоталитаризма к демократии. Этим подходом оправдываются самые грубейшие нарушения международного права и открытые агрессии, любые двойные стандарты и оценки, расистские теории разделения народов и стран на правильные и неправильные и т. п. Бесчеловечную выходку «саакашистов» заведомо оправдывают, потому что осетинских детей давили гусеницами танков «свои», «демократы» с печатью западного «ОТК». Им – *можно*, как *можно* косоварам громить православные святыни, а прибалтам – лишать в XXI веке почти треть населения элементарных прав по национальному признаку.

Между тем Н.Нарочницкая совершенно справедливо отмечает, что дело тут не в меняющемся мире, а в самих либералах, превращающихся в воинствующих догматиков. Идет процесс откровенной большевизации либерализма, который в этом виде не только имеет мало общего с демокра-

тией, но начинает противоречить ей и откровенно тяготиться ею. (И правда: зачем нужна система, при которой народ выбирает того, *кого хочет*, а не того, *кого надо*? Современным либертарианцам свойственно историческое нетерпение Макара Нагульнова: коллективизация должна быть быстрой и сплошной; сопротивление не осознающих своего счастья должно быть сломлено для их же блага.)

Тот факт, что либерализм в своей неотроцкистской либертарианской форме становится, по сути, тоталитарной идеологией, наводит на одну интересную мысль. Вспомним «Главный Страх Запада» на сегодня: что оружие массового поражения попадет в руки государства с господствующей тоталитарной идеологией. Так вот – курьез момента в том, что, получается, именно это сегодня и произошло. Самый мощный убийственный потенциал в истории человечества оказался в руках правителей, вооруженных агрессивной идеологией, – нетерпимой к инакомыслию, допускающей безоглядное и превентивное применение силы к другим странам, всеми средствами стремящейся обеспечить себе техническую возможность нанесения безнаказанного удара (создавшей для этого глобальную ПРО) и, между прочим, уже однажды «благословившей» применение атомного оружия против мирного населения.

Однако чем примечательна позиция Наталии Алексеевны Нарочницкой – она отнюдь не поддается вроде бы неизбежному в таком случае соблазну банального антизападни-

чества. Прежде всего, она проводит четкое различие между либерализмом как мировоззрением и демократией как вполне доступной для любого народа формой правления и организации национальных институтов вне зависимости от господствующего в той или иной стране мировоззрения.

Самые разные государства выбирают сегодня демократию как удобный способ устройства своей государственной жизни, не впадая при этом в мессианский раж и стремление немедленно силой «демократизировать» все и всех вокруг. Государство вполне может исповедовать, например, ислам, но при этом преспокойно проводить в стране вполне демократические выборы в парламент, не восторгаясь на весь мир по поводу своего «выбора в пользу свободы».

Для Н.Нарочницкой очевидно: «Россия не должна противопоставлять себя Западу». Чтобы «обратить на пользу мощь глобализации, надо нащупать то, что можем сказать миру только мы. Надо формулировать свою незаменимость». Эта постановка вопроса перекликается с реальным, а не карикатурным славянофильством прошлого. И, нужно сказать, что сформулированный Россией консервативный проект для страны и мира вполне может получить поддержку здравых сил на самом Западе, которые не в восторге от вульгарной большевизации либерализма в мире. Либертарианцы в кожаных тужурках, эти шариковы и швондеры новой эпохи, ведут себя бесцеремонно по отношению к великим мировым культурам и религиям, считая себя и набор своих простень-

ких утилитарных догм венцом человеческой мысли и самой Истории.

Для русского мыслителя и просто человека, сформировавшего свое мировоззрение в лоне православной культуры, первично не то, имеет ли он право или свободу, а – право *на что?* Свободу *для чего?* Или, как сравнивает постановку вопроса Н.Нарочницкая: «Я свободен: никто мне не может дать пощечину» или «Я свободен: я каждого могу оскорбить». «Вот и идет все еще в России – единственной в Европе – подлинно исторический спор, живем ли для того, чтобы есть, или едим, чтобы жить, и зачем живем.»

Русские уже поэтому будут подозрительны для «великих упростителей» на Западе, поскольку могут таить в себе риски развенчания нового «единственно верного учения». Самоосознание себя народом в роли цивилизации, понимающей себя во всей совокупной своей истории как демократии, в которой *право голоса принадлежит не только нынешним, но и ушедшим поколениям, формировавшим веру, культуру и геополитическое пространство*, – все это, вполне вероятно, воспринимается как вызов нынешнему карикатурному единомыслию либерального Запада.

Видный русский государственный деятель XIX века М.М.Сперанский заметил как-то в одном из писем: «... я не знаю ни одного политического вопроса, которого нельзя было бы свести к Евангелию». У Нарочницкой мы видим постановку политических и государственных проблем не

только с точки зрения глубокого национального чувства, но и с последовательно христианских и православных позиций. Это очень важная составная часть всех ее работ и выступлений, ее замечательная и особая заслуга в последовательной и убедительной реабилитации православного взгляда на (гео)политические реалии новейшего времени. Вера православного человека, ум ученого и живой опыт политика-практика – все это позволяет автору давать собственные уникальные и оригинальные оценки происходящему в стране и в мире.

Но самое сильное мое впечатление после прочтения представленных в книге работ Н.Нарочницкой – это ощущение Свободы, духом которой проникнута вся книга. После того, как это великое понятие было затаскано и вульгарно заземлено неолибералами (а уж если вспомнить любовь американцев называть свои военные акции какой-нибудь очередной «непрошибаемой свободой»), сознаешь, насколько мы утратили вкус к *подлинной свободе*, о которой с убедительной силой говорит Наталия Алексеевна. Автор вовсе не ставит себя над европейской либеральной традицией, а, напротив, напоминает о ней тем, кто считает себя либералами и потомками борцов за свободу прошлых веков: «Неужели ради парадов содомитов великие европейцы всходили на эшафот?» Для Нарочницкой (как и для всякого христианина) первична свобода внутренняя, «она. есть первооснова свободы гражданской, политической, и печально, что люди забывают об

этом».

Книги Наталии Алексеевны Нарочницкой – это самая полезная пища для ума внутренне свободных людей. Ибо только такие люди могут создавать подлинное гражданское общество, национальные государственные институты, распоряжаться богатствами страны, верно понимать уроки ее истории, защищать Отечество, семью, честь от поругания, жить в мире с любыми народами, не забывая о принадлежности к своему и не боясь раствориться в Истории, став удобением для более успешных и самоценных наций.

О.Беляков, Государственный советник Российской Федерации III класса

Русские беседы

Государство было готово к Победе

Варенников Валентин Иванович. Окончил Военную академию имени М.В.Фрунзе, Военную академию Генштаба ВС СССР, генерал армии, Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии.

Участник Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 год. Знаменосец Парада Победы.

В 2003 году избран в 4-ю Государственную думу, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по делам ветеранов. В 1997–2005 годах – президент Российской ассоциации героев. С ноября 2005 года – президент Международной лиги защиты человеческого достоинства и безопасности.

Н.А. Нарочницкая. Валентин Иванович, Вы человек с богатейшим опытом, прежде всего жизненным. Вы пережили, будучи на руководящих постах, вместе со страной сталинский период, хрущевский, горбачевский, брежневский, перестройку...

В.И. Варенников. Да все периоды новейшей истории.

Н.А. Все периоды. И у Вас есть право и способность, по-

сколько Вы стяжали эту мудрость, панорамно, отстраненно, уже без особых эмоций, взглянуть на все прошедшее и ответить на вопрос – что с нами происходит сейчас?

В.И. Ну, прежде чем говорить о том, что сегодня происходит, я все-таки хотел бы обратить внимание на нашу историю и судьбу страны, на отношения между государством и народом. Возьмем Великую Отечественную войну, в которой мы победили. Почему? Потому что государство было готово к Победе! Оно заботилось о своих гражданах, в том числе о молодом поколении, чтобы они могли его защитить, когда придет время. Руководство страны знало, что будет война с Германией. И все мы к этому готовились. Возьмем меня. Я окончил школу в 41-ом году, я был морально и нравственно подготовлен к любым испытаниям, я был физически развит, потому что государство об этом позаботилось.

Н.А. Вы были красавец! Я видела Ваши фотографии в молодости...

В.И. Это другой вопрос, так сказать. Но я имел еще начальную военную подготовку, у нас были военруки в школах. И поэтому неспроста, рожденные в 1922—1924-м годах, – это основная сила, которая вынесла на своих плечах войну.

Говоря о Великой Отечественной, нельзя забывать, что главным содержанием войны все же являются основные битвы. Тогда это была битва за Москву: соотношение сил – один к одному. А как мы разгромили немцев под столицей! Отбросили их аж на 150–200 километров! Мало того, был раз-

веян миф об их непобедимости, был сорван план молниеносной войны. Или взять Сталинградскую битву, ведь весь мир, затаив дыхание, следил за ее исходом!

Почему? Народы мира болели душой не только за наш народ, они болели и за свою судьбу, они знали, что только наш народ, наша армия может спасти их от фашистского порабощения.

Н.А. Вы совершенно правы. Я, как историк, изучала рассекреченные документы внешней политики. Немец ведь уже вышел к Волге, и решался вопрос, кто будет господином. Если бы он победил, то вся конфигурация Европы до Урала изменилась бы полностью, я не уверена, что англосаксы вообще могли бы там что-то сделать.

Судя же по документам, у них были довольно циничные расчеты. Рузвельт перед войной в докладе своему кабинету, прямо говорил: Америка вмешается только тогда, когда начнутся изменения структурного порядка, то есть когда кто-то начнет очень сильно побеждать.

В.И. Они на протяжении всей войны выжидали. Думали, что в кровавой схватке и немцы, и русские.

Н.А... истошат друг друга.

В.И. Истошат и полягут, а они продиктуют свои условия послевоенного мира. Но, однако, мы с каждым годом, становились все сильнее и сильнее. И вот Курская битва – это уже битва, в результате которой была захвачена стратегическая инициатива до самого конца войны. Или возьмите битву за

Ленинград.

Н.А. Да-да!

В.И. Девятьсот дней в блокаде! Город не сдался. (Франция сорок дней всего оборонялась!) И вот, после этого триумфального освобождения последовало освобождение стран Восточной Европы. Мы до сих пор мало говорим об этом, да и вообще о нашей Победе. Мы обязаны говорить больше, чтобы народы мира помнили, кто избавил их от коричневой чумы. Они же были оккупированы! Они под гнетом сидели!

Н.А. Да, но, к сожалению, мы упустили историческую инициативу, когда позволили глумиться над нашей Победой в девяностые годы. Мы позволили нашим восточноевропейским соседям нас осуждать. Хотя наш семейный спор, когда мы переоценивали различные аспекты своего прошлого, должен был оставаться нашим семейным спором. Перевернуть страницу истории, не глумясь над жизнью отцов, для этого надо иметь то самое достоинство, которое Вы защищаете сегодня на международном уровне. Так вот, эти страны теперь говорят: «Да, нас оккупировали немцы, но вы-то нам принесли новую оккупацию», — а я им в ответ на симпозиумах отвечаю: «Вы знаете, гитлеровский проект готовил для вас участь свинопасов и горничных для Третьего рейха, без науки, образования, инженерной мысли. Некоторые народы вообще были предназначены стать быдлом, едва умеющим читать на немецком языке географические указатели в странах, территория которых бы уже не называлась

Чехия, Словакия. Да, мы наградили вас коммунизмом, но, в отличие от Гитлера, который для вас расистский проект припас, мы дали вам то, что было у нас самих, что сами считали на тот момент самым лучшим на свете. Это совершенно другая историческая концепция. Более того, если брать все грехи революционного проекта коммунистического, то у нас они в стране гораздо жестче реализовывались. Не говоря уже о том, что вы и ушли самостоятельно от нас полноценными нациями – с наукой, культурой, со скрипачами, полным пакетом инженерной мысли...» Забывать это все-таки настолько бесстыдно! Почему же мы не способны были сохранить свои там позиции?

В.И. Не будем все же путать руководство этих стран и их народ. Вот я был в Болгарии. Все болгары практически, духовенство, открыто выступают против того, чтобы их страна вступила в НАТО. Мне предоставили на час открытый эфир по этому вопросу в самое удобное время – 18:30, и я тоже высказался по поводу моего негативного отношения к этой организации. А вот болгарское руководство, видимо, прикормленное, подкупленное, ведет свой народ по тому пути, о котором Вы сейчас сказали.

Н.А. С Болгарией вообще ведь очень интересно. С одной стороны, болгарский народ на Россию всегда ориентировался. Боже мой, как встречали русскую армию во время Русско-турецкой войны, когда произошло освобождение Болгарии в 1877 году! По донесениям наших посланников, послов,

консулов, народ от восторга неистовствовал. А что же говорить тогда, скажем, о Чехии, которая никогда не была в орбите России. Но когда проводили референдумы по НАТО, там с трудом натянули два процента сказавших «да». Это при массированной-то пропаганде!

В.И. Вы понимаете, все-таки мы одержали Великую Победу, которая оказала влияние на весь дальнейший ход истории человечества.

Н.А. Безусловно.

В.И. И мы своим подвигом поднялись на высшую ступень пьедестала человеческой славы, и народы мира вечно нам должны быть благодарны за то, что мы их обезопасили, спасли от фашистского порабощения.

И вот мы, победители, разве могли тогда подумать о том, что уготовано нашей собственной стране в 90-е годы?!

Н.А. Здесь мы немножко, наверное, с Вами расходимся. Я принадлежу к тем, кто без сожаления расставался с марксизмом. Но тот кошмар, который мы пережили в 90-е, даже с ним ни в какое сравнение не идет.

В.И. Да уж! Это трагедия не только для народов Советского Союза, это трагедия для всего человечества. То же самое касается и армейских дел. До перестройки у нас был здесь полный порядок. Я командовал многими полками, дивизией, корпусом, армией, военным округом, был главнокомандующим. До войны и в первые послевоенные годы у нас считалось, что если человек не служил в армии, то он – в чем-то

ущербный, недостаточно развит, то есть те, кто не попадали в армию, стыдились этого.

Н.А. Конечно, потому что для молодого человека, особенно из глубинки, армия – это престиж, это рост!

В.И. Безусловно!

Н.А. Он возвращался более выносливым, более эрудированным, с веером каких-то профессий. А сейчас что?

В.И. После девяностых определенная часть молодежи армию стала воспринимать как некую угрозу для себя.

Н.А. Да просто пугало, благодаря усилиям тех же средств массовой информации.

В.И. Но это неправильно, это совершенно неправильно!

Н.А. А вы знаете, откуда весь этот негатив? Мне кажется, из-за того, что на фоне общего обнищания было еще ощущение пренебрежения государства к людям. Понятно, когда просто трудно стране и все должны немножко кушаки, так сказать, затянуть потуже, такое чувство только роднит – «потерпим мол, выдюжим». А тут...

В.И. Разумеется, чувство единства в трудное для страны время появляется.

Н.А. Заметьте, не все виды человеческой деятельности именуются службой. Есть просто профессия – быть инженером, химиком, ученым и так далее. А службой (от «служения») именуется очень мало что – армейская служба, священническое служение, дипломатическая служба. Потому как человек здесь, принимая на себя что-то вроде прися-

ги, добровольно, на время, ограничивает сам себя. Это повод самоотречения, если хотите.

В.И. Вот именно. Только это не учитывают государственные чиновники, к сожалению.

Н.А. Человек, принявший присягу и пронесший верность ей, даже когда все летит в тартарары, когда вроде бы и защищать уже нечего, – особо достоин чести. Какой же внутренний стержень должен он иметь, чтобы не разувериться во всем и верить, что потомки все равно потом разберутся, кто прав. Сегодня, конечно, мировоззренческая установка, слава Богу, меняется...

В.И. Да, Путин – совершенно другой уже человек. Он получил страну, которая была на краю пропасти, ее ждала та же участь, что и Советский Союз, она могла тоже развалиться. Он же спас Россию, кстати, мы об этом мало говорим, а это так и есть. Он привел все к общему знаменателю. Создал федеральные округа. То есть Россия была укреплена. На этой базе уже можно было поднимать и экономику государства, и благосостояние народа, и крепить оборону.

Н.А. Вы правы, вот эта вертикаль власти, над которой так ерничают наши либералы, она действительно приостановила распад государства, его децентрализацию. А на Западе ведь уже руки потирали, только и ждали этого.

В.И. Вы знаете, я хочу сказать, что он, конечно, очень гибкий, мудрый, терпимый и терпеливый человек. Самый терпеливый, пожалуй, из всех государственных деятелей сего-

дня. Но даже и он уже не стерпел и в Мюнхене взорвался, посрыгивал все маски, показал, кто есть кто.

Н.А. А мне кажется, наш Путин никогда не взрывается. Он хладнокровно все рассчитал.

В.И. Ну это я так, условно. Конечно, он знает, когда то или иное заявление сделать.

Н.А. Сегодня долги мы в основном выплатили, то есть нас шантажировать сейчас труднее. Да, тем более что наша нефть стала для них тем необходимым глотком, без которого они задыхаются. При этом заметьте, мы их не шантажируем.

В.И. Совершенно верно. Ведь политика, которая сейчас проводится нашим президентом, она реально нам показывает, что имеются значительные подвижки и в области защиты нашего Отечества, усиления нашей обороноспособности. Речь идет и о социальной сфере, и об оснащении нашей армии новым вооружением. Ведь сейчас военно-промышленный комплекс восстановлен. Если говорить, допустим, о ракетных войсках стратегического назначения, о ядерной стратегической группировке, то она была, есть и остается нашим щитом и сдерживающим фактором.

И другие виды вооруженных сил тоже сейчас на подъеме: они получают новое оружие, лучше оснащены и материально, и финансово обеспечены. Все совершенствуется, улучшается быт, боевая подготовка. Если раньше наш флот стоял у причала, то сейчас он уже в Мировом океане. Так что вы

правы: когда президент выступал в Мюнхене, он знал, что у него за плечами.

Н.А. Конечно...

В.И. Это факт. Но тут главное – тональность. Вот он говорит: «Мы не пойдем за теми, кто тянет нас в мир двойных стандартов, кто навязывает нам свое видение демократии, наш народ сам во всем разберется». Сказал – как отрезал.

Н.А. Валентин Иванович, вы создали Международную лигу защиты человеческого достоинства. Какова ее цель?

В.И. Прежде всего – не допустить столкновений на межнациональной почве. К нам обращаются отдельные лица, в том числе иностранцы, за помощью, чтобы мы защитили их честь и достоинство.

Н.А. А где же наши так называемые «правозащитники»? Ведь это их, как они считают, главная прерогатива? Или они только исключительно гей-парады сегодня защищают? Это я так, к слову. А сколько стран сегодня в орбите вашей деятельности?

В.И. Сейчас в нашей Лиге десять государств. В том числе и такие, как Япония, Соединенные Штаты. В этом году намерены принять еще четыре-пять стран. Лига на самом деле очень востребована.

Н.А. То, чем вы занимаетесь в своей Лиге, – великое дело и для мирового сообщества, и для нас, в первую очередь. Ибо мы такими благородными делами, безусловно, выполня-

*ем основную задачу любого государства – продолжать себя
в мировой истории. Низкий поклон вам за ваши дела!*

«Быть пессимистом православному человеку противопоказано»

Леонов Николай Сергеевич, генерал-лейтенант, депутат Государственной думы четвертого созыва, член Комитета по безопасности, а также Комиссии по противодействию коррупции и Комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета. Доктор исторических наук, профессор, работал в системе Министерства иностранных дел. С 1958 года по 1991 – служба в первом главном управлении КГБ СССР, где руководил информационно-аналитической деятельностью, с 1984-го по 1991 год – заместитель начальника первого главного управления КГБ СССР, профессор МГИМО, автор книг «Лихолетье», «Очерки новейшей истории стран Центральной Америки», «Политическая биография Фиделя Кастро», политический комментатор телевизионной программы «Русский дом».

Н.А. Я думаю, что такому человеку, как вы, который всю свою жизнь имел доступ к самым секретным документам, раскрывающим суть международных отношений и истинные мотивации наших партнеров, свободным от пропаганды, как с той, так и с другой стороны, – именно такому человеку было особенно трудно наблюдать 1990-е годы, когда наше общество охватила эйфория по поводу «нового мыш-

ления», когда мы им полностью были одурманены, обвиняя в той же холодной войне лишь наши тоталитарный Советский Союз. Однако то, что произошло в последние 15 лет, говорит о том, что сутью тех противостояний была вовсе не борьба идей коммунизма и либерализма. Все уже давно поняли, что помимо этого есть преобладающие национальные интересы, мало зависящие от того, какая власть и какой строй на дворе...

У вас есть хоть какой-то оптимизм в отношении сегодняшнего дня?

Н.С. Быть абсолютным пессимистом, думаю, дело не хитрое, а православному человеку так оно просто противопоставлено. Поэтому, конечно, мы все всегда ищем что-то такое, что может еще питать нас. Когда-то в 1900 году начальник Генерального штаба русской армии генерал Куропаткин, прикидывая, какой будет Россия через сто лет, говорил, что население России вырастет до 450—470 млн. человек.

Н.А. И могло бы быть...

Н.С. И могло бы быть. А пришли мы к 2000 году босяе, разрушенные, демографически опустошенные, морально-нравственно деградирующие, так что иногда расчеты не совсем совпадают с тем, что вытворяет история. И, тем не менее, оптимизма я не теряю. Господь Бог внес свой решающий вклад в судьбу России, он ей дал такие природные богатства, которые помогли нам удержаться на плаву все эти страшные 15 лет, когда, по идее, мы должны были самораз-

рушиться до основания.

Н.А. Кстати, и Запад считал, что мы уже не поднимемся, ан нет – выстояли...

Н.С. Конечно, тогда все вело к краху России: разгул сепаратизма при Ельцине, провозглашение самостийности регионов, вседозволенность князьков, изобилие партий, число которых доходило до двух с половиной сотен. Все говорило о том, что мы идем к окончательному коллапсу. Самая тяжелая проблема России – это население, потому что продолжается его вымирание. Какие бы последние оптимистические сводочки нам ни давали, они говорят только об одном – о нашем демографическом убытке. И это самая страшная наша беда – потеря населения.

Н.А. Вы знаете, мне иногда попадают в руки, через хороших знакомых, западные разработки, сделанные для своего руководства, о том, что можно ожидать от России. Так вот в одной из таких разработок на двух страничках с тревогой было написано, что у России есть шанс восстановить многие свои позиции, прежде всего – сильной державы. Единственный фактор, с которым она может не справиться – это демографическая катастрофа.

Н.С. На это, кстати, те же американцы, обращали внимание и в советское время. Я работал в разведке до 1991 года, знаю об этом не понаслышке. Они уже тогда обращали внимание на сокращение удельной численности русских в общей численности населения Советского Союза.

Н.А. А у нас вот табу на эту тему, она считается почему-то неpolitкорректной. Хотя думать об этом – серьезная государственная задача.

Н.С. Конечно. Когда наши противники просчитывали, какова рождаемость, скажем, в среднеазиатских республиках, в кавказских и закавказских и какова рождаемость русских, то приходили к четкому пониманию, что с каждым годом этот удельный вес у нас будет сокращаться, что, естественно, скажется и на армии. Ведь слабое знание единого государственного языка – русского приведет к тому, что человеческий фактор в российской Советской армии станет тормозом для ее модернизации. Ну а что сегодня говорить о наших пустующих территориях, конечно, на Западе за этим внимательно следят. Вспомните Крымскую войну – у нас мало кто задумывается о ее причинах.

Н.А. А на Дальнем Востоке что было? Охотское море, Курилы.

Н.С. Да, со всех сторон Россию кусали. Не поэтому ли царь принял потом решение продать Аляску: все равно, мол, не удержим.

Н.А. Конечно, сейчас наши экзальтированные патриоты кричат: это было предательство! Но забывают, что удержать-то ее нельзя было. Почему Аляску продали американцам? Потому что тогда была одна морская держава – Англия, и она хозяйничала уже в Охотском море. Курилы пришлось тоже на время отдать, хотя мы считали их своими.

Но подумали, что лучше уж они достанутся слабой в военноморском отношении Японии, чем их захватят англичане. То же самое и с Аляской – продали ее Соединенным Штатам, зато не досталась она Англии.

Н.С. Поэтому надо понимать, что эти наши большие безлюдные пространства всегда будут лакомым куском. Западу вообще не нужна великая российская держава. Какой бы формации она ни была: монархией, буржуазно-демократической республикой, социалистической – безразлично, главное, чтобы не было великого государства, сильного и крепкого. Они с легкостью предали нашего царя, предали белое движение...

Н.А. Кстати, я в своей книжке как раз очень много об этом говорю. Представляете: в Версале сидит победившая Антанта и каждый день зачитывает телефонограммы от Литвинова и от русского посла Бахметьева, где ставится вопрос о единстве России и о русском вопросе, а эти торгуются прибалтийскими территориями. Никогда ведь в наших учебниках про это ничего не было. В них говорилось, что цель интервенции – уничтожение советской власти. Но вторая-то цель была воспользоваться вот этим хаосом, внутренним параличом и попытаться оттяпать те территории, которые 300 лет собирались...

Н.С. Конечно, для Запада неприемлем лозунг «Единая и неделимая Россия». Вот этот лозунг белого движения по существу и лишил его западной поддержки.

Н.А. Ну да, они лавировали между красными и белыми и в итоге предали белых...

Н.С. Вообще, когда посмотришь стратегические расчеты американцев на протяжении, скажем, последних 60–70 лет, то трудно не заметить у них мании расчленять своих противников, безразлично, о ком идет речь – о Германии ли (ведь они же начали сначала дробить Германию), или о ком другом.

Н.А. А помните, был такой план Генри Моргантау, министра финансов. Он потом в каких-то еврейских организациях был опробован. Это, конечно, была месть немцам за фашизм, за холокост, понятно, но чтоб так идеология вмешалась в политику! В результате, план Моргантау они не могли принять просто потому, что неприлично было – это было даже хуже, чем участь, которую немцы готовили для других территорий. Германия просто уничтожалась, дробилась на какие-то кусочки – земледельческая часть, промышленная и т. д.

Н.С. Они также предлагали вполне официально, на переговорах, разделить послевоенный Китай, потому что слишком уж велика держава, неизвестно, как она будет управляться и куда пойдет.

Н.А. Представляете, 5 тысяч лет уже существуют и приблизительно в одних и тех же границах. Да они переживут всех, потому что умные.

Н.С. А Россию, пожалуйста, в последних их планах на че-

тыре державы уже поделили (условно, конечно): Дальний Восток, Сибирь, Европейская часть. Это в то время, как сами же Соединенные Штаты конституционно объявляют уголовным преступником любого, кто поставит вопрос о расчленении или отделении какой-либо части от Америки.

Н.А. Между прочим, так называемая, гражданская война между Севером и Югом США на самом деле была войной за единство страны, не зря у мемориала Аврааму Линкольну так и написано – «Объединителю страны».

Скажите, а нам есть резон преследовать свои интересы в западном полушарии? Я знаю, что вы были когда-то на Кубе в самые драматические для нее дни.

Н.С. Мы живем во взаимосвязанном мире. Поэтому Западное полушарие для нас представляет большой интерес. Кстати, я думаю, что нынешнее руководство России очень сожалеет о том, что мы в свое время согласились закрыть станцию радиоэлектронной разведки, которая располагалась в течение нескольких десятилетий на Кубе. Конечно, эта станция была очень важным для нас стратегическим центром информации.

Н.А. Это была уступка?

Н.С. Это была чистая уступка. Нельзя забывать, что главным противником для нас все-таки остаются Соединенные Штаты. Мы на них везде натываемся – это и программа ПРО, это и позиция США в Закавказье, это и их деятельность на Украине, да где угодно. Когда вы знаете о своем против-

нике больше, это облегчает вам правильный выбор средств для противодействия ему. Но, когда вы сами себя лишаете информационных возможностей, вам уже приходится полагаться только на аналитику, а этого порой бывает недостаточно. Поэтому, конечно же, потеря Кубы или, вернее, наш отказ от использования нашей разведывательной станции там был ошибкой. Я знаю, наше руководство жалеет об этом, но уже, как говорится, поезд ушел.

Что касается Южной Америки – это колоссальный источник ресурсов, которые могут быть полезными России. Возьмем Венесуэлу. Это ресурсы и демографические, и финансовые. Кроме того, у государств есть определенная четкая идеология, есть воля к сопротивлению чужому влиянию. Возьмите наш Воронежский авиационный завод, который выпускает Ил-96. Он погибал, а, когда получил заказ со стороны латиноамериканцев, – ожил.

Н.А. И у Бразилии с нашим авиапромом намечается какое-то сотрудничество...

Н.С. Да, это большой рынок для России, для ее наукоемкой продукции – как гражданской, так и военной. А, с другой стороны, и они нам могут многое продать. Я помню, когда имел тесные контакты с бразильскими политиками на высшем уровне, в советское еще время, они мне прямо задавали вопрос: ну почему вы покупаете зерно у Соединенных Штатов? Почему вы по 6 млрд своим-то врагам золотом отваливаете каждый год? Скажите нам, мы вам все что угодно по-

ставим, и много дешевле.

Н.А. Правильно. Потому что те же американцы за своих фермеров глотку перегрызут, их интересы США условием ставили всяких, даже военно-стратегических, договоренностей.

Н.С. Вот именно. А бразильцы тогда еще говорили, что их возможности по производству сельскохозяйственной продукции практически неограниченны. Вам нужно миллион тонн сои – мы сделаем, только поставьте задачу. Мы у вас купим ваши товары. Но у нас тогда не хватало воли отцепиться от американцев, которые нас уже держали в своих бульдожьих челюстях. Вот и сейчас они собираются разворачивать программу использования пищевых продуктов для производства топлива взамен бензина.

Н.А. Да, ученые давно говорят: любые отходы рано или поздно можно превратить в газ. Помните, сколько у нас, извините, слез с сахарином пролито было по поводу гениальной экономической стратегии Аргентины? И как в одночасье эта пирамида на песке рухнула? В каком драматическом положении оказались там экономика и люди, которые в одночасье лишились всего. Вы-то знаете.

Н.С. Знаю. Помню, как и нашего министра экономики тогда атаковали с этим.

Н.А. У нас любят доктрины, ориентированные на чудеса, помните «500 дней» того же Явлинского? Как можно за 500 дней что-то сделать? Жизни не хватает, чтобы вывести

сорт винограда, а тут целую страну развернуть.

Н.С. Ваши замечания заставляют меня вспомнить Хрущева. Однажды я переводил его одному крупному иностранному руководителю страны, и он затронул в разговоре с ним тему, как изменить Россию. Тот тогда во многом каялся, сам говорил, как дорого стране обошлось разделение на сельские и промышленные обкомы партии, говорил, что мы тоже ищем палочку-выручалочку, которая бы сразу изменила Россию. Я хорошо помню его слова: «Как в квашню, запустил руку, достал дно – думаешь, вот наконец-то, а вынул руку из кадушки – и все опять заплыло, запенилось, заквашилось. Так и с новой конфигурацией России».

Н.А. Зато закваска никуда не девается. И это хорошо – все время бродит, значит, жизнь продолжается.

Н.С. Да, так что, конечно, молниеносных проектов создания счастливой России не существует.

Н.А. А помните, сколько у нас было умильных слов по поводу Пиночета: он хоть болезненным путем, но вывел же страну из катастрофы.

Н.С. Да и на Ельцина умилялись, который болезненным путем, расстреляв Верховный совет, разогнав Советы, подмывая под себя, по существу, всю власть, пытался вывести страну из тупика, тогда он тоже под Пиночета косил.

Н.А. Да уж, только десять лет спустя после него чуть-чуть начали в себя приходить.

Н.С. Конечно, все эти методы так называемой шоковой

терапии абсолютно для нас неприемлемы.

Н.А. Для нас, русских, всегда было небезразлично нравственное полагание властей и истории. Ведь мы ж до сих пор спорим об Иване Грозном. Кто на Западе о своих деятелях спорит, которые обезглавили десятки соотечественников. А мы вот размышляем об этом.

Н.С. И правильно, потому что болячки исторические скажутся и на нынешнем нашем сознании, вот до сих пор у нас – все только белое и красное.

Н.А. Мне очень дорого, что вы это говорите, потому что вы – человек верой и правдой служивший государству нашему, на самом деле, служили Отечеству, которое во все времена остается вечным и неизменным. Конечно, очень помогает вера все это осмыслить и подняться над сиюминутным, суетным.

Н.С. Да, русский человек всегда о Боге думает в минуту опасности, даже советский солдатик, офицер во время Великой Отечественной войны, уже забывший Бога к этому времени, а поднимался из окопов в атаку и говорил: «Господи, спаси и помилуй!» А сколько раз мне в моей работе за рубежом приходилась только на Него и уповать?!. Там ты один в поле воин, вокруг тебя враждебная среда, все эти спецслужбы за тобой охотятся, ты себя чувствуешь, как заяц в лесу, и, конечно же, всегда просишь: помоги, Господи!

Н.А. В «Поединке» Куприна есть замечательная сцена приведения полка к присяге. Там сначала священник при-

водит православных, потом ксендз нескольких поляков, за неимением пастора, штабс-капитан приводит нескольких лютеран, прибалтов, мулла – татар, они же служили в русской армии, и был там один черемис, по нынешнему мариец, так ему и то на шпаге подносят хлеб, он клянется... Какое уважение ко всем составляющим империю! Какое единение, чувство общности. Отечество объединяет всех, а не разъединяет. Для того чтобы объединить, вовсе не нужно лишать индивидуальности.

Н.С. Вы знаете, а я вопросами веры и соответствия ее коммунистическим идеалам задавался и в советское время. У Фиделя Кастро, воспитанника католических колледжей, даже, помню, спросил: как у тебя увязывается то и другое? Он говорит: знаешь, только одна партия, КПСС, в своих уставах писала, что член партии обязан быть научным атеистом, никто больше такого никогда в уставах не писал – ни французы, ни итальянцы, ни китайцы, ни кубинцы. Они говорят: наоборот, Иисус Христос в свое время был проповедником очень многих морально-нравственных ценностей, которые потом унаследовали партии.

Н.А. Ну да, нашей революции тогда удалось повернуть идею социальной справедливости в богоборческое русло, и это была страшная трагедия для человечества, особенно для христианского мира. Антихристиане хитро подсунули нам ее в конце XX века и сейчас, мне кажется, новое левое крыло должно понять, переосмыслить весь этот дур-

ной опыт XX века. Надо постараться восстановить преемственность с той Россией, не отрицая и нашей советской истории.

Н.С. Мы заплатили дорогую цену за все наши распри. И сегодня, когда говорим: нам надо никогда не повторять гражданскую войну, надо примириться, надо выдвинуть лозунг «русские с русскими не воюют», мы имеем в виду и то, что мы, к сожалению, вымирающая, гибнущая нация. И все эти лозунги – наш жизненный приоритет. Пока же у нас очень много вещей, которые раздирают общество, а вот объединяет только одно – наша вера православная.

Н.А. Да поможет нам Бог!

«У нас не осталось подарков для Соединенных Штатов»

Уткин Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор центра международных исследований Института США и Канады РАН, академик Академии гуманитарных наук, член ассоциации политических исследований США, советник Комитета по международным делам Государственной думы Российской Федерации. Преподавал в Босфорском институте в Стамбуле, в «Ecole Normal Superior» в Париже, в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Основные направления научной деятельности – история и внешняя политика США. Автор 46 книг, наиболее известные из которых «Новый мировой порядок», «Большая восьмерка – цена вхождения», «Удар американских богов», «Дипломатия Вудро Вильсона», «Дипломатия Франклина Делано Рузвельта», «Россия и Запад: общность или отчуждение», «Теодор Рузвельт».

Н.А. Анатолий Иванович, помните, когда в 70-е, 60-е годы мы с вами начинали первые свои шаги в науке американистики, – мы развенчивали «звериный оскал империализма». Потом в нашей стране появилась некая эйфория: тогда Америка представлялась как страна кисельных берегов, где все идеально. Сейчас мы наблюдаем опять волну антиамерика-

низма и, прямо скажем, не без оснований. Согласны ли вы со мной, что американцы сами обрубали сук, на котором сидели?

А.И. Согласен. Последние десятилетия нам вдалбливали сквозь «глушилки», что свобода перемещения – природженное свойство человека, что товары, идеи, люди должны свободно перемещаться в этом мире. И что мы видим? Даже после нашей помощи американцам во взятии Афганистана, единственным результатом тесного сотрудничества было увеличение стоимости визы для наших граждан (стоила 50 долларов, сейчас – 100). Я уже не говорю о трехгодичной и т. д. – они очень дорогие, где-то полгода нашей зарплаты.

Виза, мне кажется, – убедительный показатель взаимоотношений. Среди «старых» стран – 27 имеют право свободно въезжать в Соединенные Штаты, среди «новых» – вот, в прошлом году дали право полякам, так они ликуют! Тем не менее, мне кажется, что это было одним из первых разочарований русской интеллигенции – с трудом попасть в Нью-Йорк. Потом разочарование наступило резко и быстро во многом, еще до 1993 года, когда, напомним, наш министр иностранных дел Козырев заявил: а зачем нам внешняя политика? А вот когда в январе 1994 года президент Билл Клинтон объявил, что НАТО будет расширяться к границам бывшего Советского Союза, а потом перейдет эти границы, вот тут началось значительное отрезвление. Вот тут-то американцы и заявили нам открыто, что рассматривают нас как потенци-

ального противника.

Знаете, у нас не осталось подарков для Соединенных Штатов. Мы им все уже, кажется, подарили – Советский Союз, Варшавский Договор, СЭВ, договор по обычным вооружениям, вывели отовсюду войска. Какой еще нужен подарок, чтобы прельстить эту страну, чтобы Запад почувствовал, что мы – друзья, что мы – одной цивилизации и т. д.? Их охватила даже некая паника, когда Ельцин, будучи в Польше, вначале заявил, что он приветствует расширение НАТО, а потом, видно, после консультаций, уже в Будапеште сказал, что «будет холодный мир».

Н.А. Знаете, я хорошо помню тот период. И меня тогда удивляло наше опьянение новым мышлением. В то время, как весь остальной мир и, прежде всего, Соединенные Штаты, охотнее пользуются испытанным «старым» мышлением, прибирая к рукам все и вся. Конечно, подобная политика – это самонадеянность силы, необузданность амбиций, скольких она губила в мировой истории! В том же XX веке.

А.И. Меня поразили один эпизод, который имел место в прошлом году. Я, как автор книги по истории Второй мировой войны, рассказывал во время рейса Москва – Санкт-Петербург американской аудитории – людям, в общем, сведущим – о боях, которые здесь шли в 1941–1942 годах.

И вдруг вскакивает один бизнесмен, симпатичный такой, явно не глупый, и он мне начинает яростно кричать: что вы тут глупости говорите?! Война – да это величайшее благо,

война – это отсутствие безработицы, война – это полная занятость, война – это когда растут зарплаты, война – это когда работает твоя жена, если хочешь, и теща, да кто угодно, война. Он искренне говорил, со своей колокольни, памятуя об их войне в 1939 году, в результате которой они в два раза приумножили национальное богатство. Я должен сказать, что те из моих старших коллег, которые были в Соединенных Штатах даже в 60-е годы, помнят еще туалеты для белых и черных, автобусы для белых и черных.

Н.А. Я тоже помню ту борьбу против сегрегации негров и Мартина Лютера Кинга, героя того сопротивления. А поводом для противостояния стал отвратительный эпизод. Вошел белый человек в автобус, а места не было. Он пинками начал сгонять беременную негритянку, мол, черная образина, как ты смеешь сидеть, когда белый человек стоит. И тут автобус – впервые! – возмутился. Водитель остановился, сказал, что, пока тот не выйдет, дальше не поедет. И эти американцы учат других сегодня межэтническим отношениям! Это же позорище! Не хочется впадать в огульное осуждение Запада, потому что у нас самих немало грехов, но все-таки – что-то такое происходит с ним, он утратил целеполагание, что ли, за пределами земного, и поэтому неудержимо катится вниз.

А.И. Наверное, вы знаете, что в Америке в каждом городе имеется своя газета – маленькая такая местная «New York Times». И вот, ты в хороших отношениях с главным редак-

тором, американцы довольно простодушны в этом плане, ты говоришь: покажи ПК – учебник политической корректности. И он показывает вот такую толстую книгу, представляет-те?! Вроде как имеется первая поправка к Конституции, которая дает американцу право говорить на любую тему, обсуждать любую проблему, а, с другой стороны, вот эта книга – о том, о чем писать категорически нельзя.

Н.А. Вы абсолютно правы. Я все время добиваюсь от моих оппонентов, таких увлеченных западников, признания, что их кумир сам уже не придерживается тех идеалов, которые покорили в свое время русскую интеллигенцию. Русская интеллигенция, которая пала когда-то перед заклинанием «Свобода, равенство, братство!», сегодня не увидела бы на Западе ни одного человека, который был бы готов жизнь отдать за эти идеалы. Кстати, как вы расцениваете то, что сейчас Буш впервые сказал о том, что США будут готовиться к сокращению присутствия в Ираке, а англичане так просто заявили, что готовы покинуть базы?.

А.И. Вы знаете, англичане действительно уже уходят. Что касается американцев, то, под давлением большинства демократов в конгрессе, они уйдут, но неизвестно как: оставив три анклава – курды, сунниты и шииты – или все же объединив страну.

Н.А. Они там открыли ящик Пандоры, сейчас могут все границы посыпаться. И тогда такой передел мира начнется, – с восточным «каменным» экстремизмом, никому мало

не покажется.

А.И. Открыли гигантский ящик Пандоры! И выигрывают пока только шииты. Иран получил 67 % населения Ирака, посмотрите на священный город Кум, ныне Бахрейн – это 100 % шииты, раньше их было меньше 10 %. А ведь это люди, готовые идти на смерть, это организации самоубийц.

Н.А. Анатолий Иванович, вы знаете, меня больше всего удивляют британцы. У американцев, у тех нет настоящего подлинного востоковедения, и потому они совершенно неспособны понять Восток. Вообще американцы, несмотря на все свои богатства, технологии, пушки всякие, техническое превосходство, они не обладают самым важным – они не способны понимать другие миры и уважать их инакость. Но британцы, с их огромным опытом на Востоке, как они могли не понимать, что имперский ресурс Америки не безграничен? Что они-то думали себе? Они уже из Индии вылетели в свое время...

А.И. Я хотел бы напомнить, за что казнили Саддама Хусейна – за применение газов в отношении курдов. Не будем вдаваться в детали. Но у него не нашли ни ядерного оружия, ни биологического, правда, химическое он действительно применил в свое время против курдов. А кто не помнит из истории, как англичане в 20-е годы в массовом порядке использовали химическое оружие против арабов? Это сто раз всеми описано.

Н.А. А Италия применила в Абиссинии в 30-е годы отрав-

ляющие вещества, погибло больше ста тысяч человек. И это почему-то никто не учитывает. Оказывается, Вторая мировая началась только с нападения на Польшу или с ее раздела.

А.И. Кстати, при этом вообще забывают, что та первая признала нацистскую Германию, что в 1934 году она единственная среди европейских держав признала Мюнхенский сговор.

Н.А. Более того, она была в ярости, что ее не пригласили пятым участником, и тут же заявила претензии на часть Чехословакии и даже в качестве демарша продвинула свои войска к Праге...

А.И. В результате одну из областей она таки получила. Вы знаете, бывший президент Польши Квасневский, помните, все любил повторять, что надо больше правды, исторической правды. А вы знаете, как на нашей сцене появился «Иван Сусанин»? Ведь его до 1939 года не было. В январе 39-го Сталину сообщили, что вермахт и польский Генеральный штаб начали консультации. Он испугался, приказал разыскать партитуры оперы «Жизнь за царя» Глинки и переименовать ее в «Ивана Сусанина».

Н.А. Ну да, Глинка же дал название «Жизнь за царя».

А.И. И в марте 39-го года в Большом театре появился «Иван Сусанин». Так вот сейчас мы знаем, что во время этих переговоров немцы хотели получить коридор, им предложили Прибалтику, и они согласились. А ведь сколько было вы-

сказано злобных слов в наш адрес, когда Советская армия вошла в Афганистан, – чуть ли это не начало третьей мировой, – а теперь бывший советник по национальной безопасности Картера везде выступает и рассказывает, что они больше года толкали нас в Афганистан. Какое лицемерие! Он сейчас ставит себе в заслугу, что затолкнул все-таки Советскую армию туда. Большого лицемерия трудно себе представить.

Н.А. Вы знаете, это мы вот так рассуждаем, а те, кто бывал в Соединенных Штатах, отмечают полное безразличие американцев ко всему, что не касается их лично. Вот я семь лет там прожила, работая в Секретариате ООН. Мы с семьей жили в обычном американском доме, с соседями были прекрасные отношения – они добродушные, с очень наивными представлениями о мире. Так вот одиннадцатилетний их сын не уставал повторять, что Америка – самая лучшая страна, что его папа – самый сильный, что мама – самая красивая, их дом – это храм, – в общем, все у них самое лучшее. При этом средний американец, как правило, не знает ни европейской культуры, ни даже своей, ничего не знает, кроме работы. Прямо скажем, узок круг их интересов. Вместе с тем, они в личном плане настолько честны, что даже списывание на экзамене у них приравнивается к преступлению, за которое с «волчьим билетом» больше никуда не поступишь.

А.И. Вот-вот. Я в этом году выступал адвокатом одной

русской женщины, которая во время экзамена открыла справочник и тут же закрыла, но сидевшая сзади афроамериканка сообщила об этом преподавателю, и хотя наша студентка оплатила экзамены, оплатила четыре года обучения (это очень большой университет в Нью-Джерси) – ее выгнали! Не посмотрели даже на то, что она четыре года работала в хосписе, в доме умалишенных, была человеком гуманитарных позывов, осознанно шла на эту профессию. Вот такой случай.

Н.А. Да уж, доноительство там сегодня возведено в ранг доблести. Нам их не понять. Как можно не подсказать? Я помню, как на экзамене на аттестат зрелости на ноге рисовала своей соседке устройство триода (я была отличницей): у нас отобрали бумагу...

А.И. А как Америка воспитывает в себе героические начала! Нет фильмов, которые бы не прославляли американцев.

Н.А. А мы снимаем фильм «Сволочи».

А.И. Вы знаете, треть американцев поднимает флаг каждое утро, и, тем не менее, американская разведка – одна из самых слабых в мире. Почему? Потому что никто из них ни за какие миллионы долларов не согласится внедряться в группировку, скажем, того же Усамы Бен Ладена. Они ничего не знают о том мире, который готовы бомбить, и не хотят знать. Да, они оплачивают фонды, которые что-то докладывают издалека, но у них нет стратегической разведки. В этом

плане англичане во много раз их превосходят.

Н.А. Порассуждав об Америке и понимая, конечно, как специалисты, что у нее большой потенциал, мы не можем не признать, что она сегодня не на подъеме, время работает не на нее. Очень важно сейчас, чтобы оно работало на Россию, а это уже зависит только от нас. У нас есть, кстати, несмотря на все наши грехи и несовершенства, одно качество, которого никогда не было и не будет у американцев, — мы способны понимать других и уважать их инакость. В нашей стране одновременно уживаются и архаизм и высокая культура, убогость жилища и дворцы. Вот эта многокачественность нашего исторического опыта и делает нас способными быть моделью мира: где соседствуют бедность и богатство, высокие технологии, полеты в космос и порой — отсутствие водопровода. Это и бремя, но это и богатый человеческий опыт. Вопрос в том, дадут ли нам американцы полностью реализоваться как великой державе? У меня такое чувство, что они торопятся дожать нас по всем вопросам, потому что как раз понимают, что время работает уже не на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.